

и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещицкой знати в России». ²⁷ Дело было здесь не в степени популярности учения Толстого в крестьянстве: толстовство могло быть популярно среди отдельных крестьян, но оно никогда не было массовой программой, за которую выступало русское крестьянство. Социальный характер творчества Толстого определяется именно тем, что он теоретически пришел к тем взглядам, на которые толкали крестьянство материальные условия его жизни. «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России». ²⁸

В этом же плане чрезвычайно важно замечание В. И. Ленина о том, что письмо Белинского к Гоголю отражает «настроение крепостных крестьян против крепостного права». ²⁹ И здесь, как мы видим, В. И. Ленин исходит прежде всего из объективного смысла идеологии писателя.

Понимание литературного творчества, данное в трудах К. Маркса и В. И. Ленина, не сразу было воспринято литературоведами — даже теми, которые стояли на точке зрения классовой борьбы и считали себя сторонниками «социологического метода». Многие из них воспринимали идеи исторического материализма почти так же упрощенно, как это делают критики марксизма, смешивая объективный социальный смысл идеологии писателя с его субъективной «классовой психо-физиологией». Очень характерны в этом отношении воззрения одного из представителей «вульгарно-социологического метода» в литературоведении начала XX в. — В. А. Келтуялы. Классовую психологию писателя (как и всякую человека) В. А. Келтуяла считал твердо, почти фатально predetermined «общественно-классовым трудом», «индивидуализированным общественно-классовым трудом», «индивидуализированным общественно-классовым досугом» и даже «индивидуализированным общественно-классовым сном». ³⁰ «Последовательная переработка психо-физиологии каждого человека под воздействием общественно-классового труда», по мнению В. А. Келтуялы, закрепляется и передается потомству двумя путями: а) «путем бессознательного или иногда и сознательного воспитания родителей детей, внуков и т. д.»; б) «через независящее от воли людей кровное унаследование вырабатывающихся из поколения в поколение общественно-классовых психо-физиологических свойств, способностей, черт и навыков (общественно-классовая психо-физиологическая наследственность)». ³¹ Если классовая «психо-физиология» настолько прочно прикреплена к человеку, что даже передается через «кровное унаследование», то ясно, что социальное происхождение человека, его, так сказать, «анкетные данные» имеют решающее значение для определения его классовой идеологии. Естественно, что Пушкин оказывался у «вульгарных социологов» стопроцентно «дворянским идеологом» (споры велись только о том, был ли он «реакционным» или «либеральным» дворянином), такую же характеристику получали поэты-декабристы и т. д. Необыкновенно суживалась и роль литературных произведений: созданные в рамках одной «классовой психоидеологии», они, по представлению «вульгарных социологов», остаются чуждыми для представителей иных классов, например произведение, воплощающее «типичные черты феодально-дворянской пси-

²⁷ Там же, стр. 39—40.

²⁸ Там же, т. 17, стр. 210.

²⁹ Там же, т. 19, стр. 169.

³⁰ В. А. Келтуяла. Историко-материалистическое изучение литературного произведения. Л., 1926, стр. 10—16.

³¹ Там же, стр. 10—11.